



**В. С. НОРОВ**

**Записки о походах 1812 и 1813 годов,  
от Тарутинского сражения до Кульмского боя**

<Фрагменты>

**СРАЖЕНИЕ ПОД КРАСНЫМ**

Между тем Наполеон, в ожидании прибытия маршала Даву, выстроил свою гвардию и корпус маршала Жюно<sup>\*1</sup> в боевой порядок перед Красным. Часть его линии пересекала дорогу, другая протянута была параллельно ей. Вся гвардейская его артиллерия, находившаяся еще в хорошем положении, расположена была на отлогих высотах и должна была действовать вдоль дороги.

Гренадеры и егеря старой его гвардии, построенные в полковые каре, стояли в резерве на небольшом отлогом холму<sup>\*\*</sup>, при них находился сам Наполеон. Он был тогда в зимнем одеянии, в легкой, наподобие сюртука, темно-зеленой шубе, подбитой соболем, с золотыми галунами, и в польской четырехугольной шапке с соболиною опушкой. Сошед с лошади, он расхаживал взад и вперед по дороге, сложив назад руки и разговаривая с маршалом Бертье. По причине гололедицы он подпирался простою березовою палкою, часто останавливался, смотрел на русских в маленькую зрительную трубку и отдавал приказания. Ядра сыпались вокруг его, но, казалось, что он их не примечал. Никогда еще во время сего похода не видали его в таком огне. «Долго я был императором, говорил он окружавшим его, — пора мне быть генералом». Известно, что никогда менее он себя не щадил и нигде более не оказал воинских достоинств, как в Итальянских своих походах, когда был генералом; и в сей день, среди снежных полей России, старые его воины видели в нем героя Аркольского, который вел их к победам под прекрасным небом Италии.

---

\* Сам Жюно был послан в Оршу для обеспечения переправы чрез Днепр и задержания отсталых. Его корпусом командовал Эксельман.

\*\* Окрестности Красного, выключая Лосминской лощины и небольшого оврага у села Сорокина, довольно плоски, и упомянутые возвышения столь отлоги, что едва приметны, но весьма удобны для действия артиллерии.

Ободренные его присутствием, полки его пылали мужеством. Гренадеры голландской его гвардии вытеснили наших стрелков из деревин Уваровой, прикрывавшей его позицию, но Муромской полк опрокинул их сильным ударом в штыки. Тщетно 1-й полк гвардейских волтижеров с неустрашимостью двинулся вперед на подкрепление grenадер: он пал, осыпанный картечью, и остатки его истреблены штыками Ревельского и Муромского полков. Наполеон, видя превосходство наших сил, прекратил свои нападения и продолжал бой одним огнем гвардейской артиллерии, в ожидании прибытия маршала Даву, коего колонны были уже в виду. Нет сомнения, что если б в сие время вся наша армия могла вступить в дело, то участь Наполеона была б решена; но колонна Тормасова<sup>2</sup> была еще на походе. Нерешимость Кутузова причинила ей замедление.

Еще поутру, по прибытии фельдмаршала на поле сражения окружавшие его генералы все единогласно советовали ему немедленно атаковать неприятеля со всеми силами, и действуя совокупно и единовременными атаками против его фронта, правого крыла и тылу\*, отрезать его от Орши\*\*, где находится удобное место для переправы, где правый берег командует левым, где тогда находился понтонный его мост, прикрытый флешью и куда бежали остатки 4-го корпуса чрез Ляды и Козяны. Итак, если б мы предупредили неприятеля в лощинах у сих местечек, то он был бы стеснен между нашею армиею и лесистым берегом Днепра, который тогда еще не замерзал. По нем шел лед. Все предвещало что сия самая река, у которой бросили ружье остатки Полтавы, будет памятна в истории гибелью легионов Бонапарта.

Казалось, что Кутузов одобрял мнение своих генералов: уже он дал повеление колонне Тормасова поспешать на поле сражения, но в сие время привели к нему одного жителя, бежавшего из Красного. Он рассказывал, что город наполнен войсками в медвежьих шапках (то была гвардия), и что сам Наполеон находится посреди их; тогда он переменял свое намерение, и несмотря на убедительнейшие представления генералов Ермолова, Коновницыца, Васильчикова, он отвечал им: «Вы хотите, чтоб я предоставил неизвестной участи генерального сражения то, до чего я могу достигнуть вернейшим способом, повременив немного». Он, вероятно, надеялся на стужу, на изнурение неприятеля, на содействие армии Чичагова, и еще не знал точного положения Наполеона. Не предпринимая здесь сравнивать российского полководца с Фабием, нельзя однако не удивляться, что лучший наш военный историк сравнивает его с Суворовым.

Верный своей системе, Кутузов определил в уме своем не противиться отступлению Наполеона к Орше, громить его гвардию огнем

---

\* Неприятель стоял лицом к Смоленску; Красный и Орша были у него в тылу.

\*\* Сей город был тогда занят несколькими батальонами под начальством генерала Жомини.

своей артиллерии, тревожить ее казаками и ударить только на арьергард. Авангард Тормасова, к которому в ночь 4 числа из Шилова послан был сочинитель сей книги с повелением атаковать неприятеля, имел предписание выступить на рассвете 5 числа из деревни Сидоровичи; за ним должна была следовать вся колонна. И так в одиннадцатом часу утра половина нашей армии, состоявшая из отборных войск, могла бы прибыть на Оршанскую дорогу и ударить в тыл неприятелю. Полагая, что Наполеон успел бы пробиться с несколькими батальонами своей гвардии, по крайней мере, нет сомнения, что корпус маршала Даву погиб бы непременно, или положил ружье; но по новому повелению Кутузова мы выступили не прежде десятого часа утра. Авангард наш состоял из гвардейских полков Егерского и Финляндского, 12 орудий гвардейской артиллерии 2 легкой роты капитана Ладыгина, полка Кирасир и нескольких сотен Донских казаков. За ним следовала вся колонна Тормасова.

По причине узкой проселочной дороги, мы шли шестирядною колонною, левым флангом<sup>3</sup>, в некоторых местах почти по колено в снегу. С самого утра, со стороны Оршанской дороги, слышна была сильная канонада, известившая нас о начатии жаркого боя. На пути поминутно встречали раненых егерей отряда Ожаровского: они сказывали нам, что 5 полк весь истреблен на месте; далее встретили полковника Шульгина, адъютанта фельдмаршала, присланного к нам с повелением поспешать в дело. Пройдя дефиле у деревни Палкино, артиллерия и кавалерия пустились рысью, пехота беглым шагом. Отряд Ожаровского<sup>4</sup>, стоявший у сей деревни, пропустя вперед наш авангард, следовал за оным в некотором расстоянии.

Близ церкви села Сорокина, за небольшим мелким лесом, отряд наш остановился и построился в колонны к атаке; потом пехота, выслав стрелков, двинулась вперед прямо сквозь лес, кирасиры и артиллерия обошли по опушке. Выйдя на равнину, мы могли обозреть все поле сражения. Местоположение открытое неприметно возвышающееся по мере приближения к Оршанской дороге, весьма способствовало действию неприятельской артиллерии, которая тотчас обратила против нас свой огонь. В сие время (в третьем часу пополудни) французская гвардия, корпус маршала Жюно и половина корпуса Даву прошли уже деревню Доброе и длинными колоннами тянулись к Орше; но арьергард сего корпуса, состоявший из дивизии Фредерикса<sup>5</sup>, под прикрытием восьми орудий, подходил к сей деревне, загроможденной пушками и обозами и заложеной с одного конца.

Между тем как наши колонны, под прикрытием стрелков и артиллерии, шли скорым шагом, с барабанным боем, к деревне Доброе, неприятель, сомкнувшись в густые колонны, рассыпав своих вольтижеров, двинулся навстречу. Генерал-майор Барон Розен<sup>6</sup> велел кирасирам

ударить на неприятеля: они бросаются в атаку; но французская пехота, построясь вмиг в густое каре, встречает их сильным батальным огнем. Кирасиры опрокинуты и проскакивают в интервалы наших батальонов. Барон Розен, подскакав к нашему полку, велит идти вперед, мы бросаемся в штыки, французы продолжают батальный огонь, пуля сшибает фуражку с генерала Розена, капитан Толстой ранен в плечо, полковник граф Грабовский убит среди рядов неприятельских вместе с лошадью; но французы не устояли против сего удара, 108 линейной полк почти весь истреблен на месте. Другие неприятельские колонны, как обыкновенно то случается, не допустив нас за несколько шагов, дали залп и повернули назад к деревне; но Финляндский полк с другой стороны вошел уже в сию деревню, взял шесть орудий\*. Здесь неприятель, рассыпавшись по домам и заборам, продолжал еще перестрелку; но вскоре окруженный со всех сторон пламенем и штыками, бросает ружье. Вся деревня заставлена была обозами. В покинутых фургонах найдены слитки серебра, образные оклады, в повозках маршала Даву фельдмаршальские мундиры, ящики с шампанским и бургонским вином и редкие топографические карты. В одном из сих фургонов егеря наши нашли жезл маршала, трофей ничтожный, найденный между сапогами и платьем. Под вечер мы подвинулись еще несколько верст к местечку Лядам и остановились ночевать на большой оршанской дороге, по обеим сторонам усаженной деревьями.

В сию ночь, когда все утихло, ружья были составлены и утомленные солдаты лежали кучами возле угасающих огней; мы пробуждены были внезапным криком: «Становись!» Барабаны бьют подъем, казачьи ведеты отступают, и при свете зажженных деревень мы видим по обеим сторонам неприятельские колонны или, лучше сказать, густые толпы, идущие на дорогу. 3 карабинерная и 7 егерская роты бросаются вправо, 9 егерская и батальон Финляндского полка влево, навстречу неприятелю; но сии толпы, искавшие пробраться к Лядам, и составленные большею частью из отсталых разных полков или смешанных кавалеристов, вооруженных карабинами, не могли нам противиться. При первой стычке, обращенные в бегство, они старались защищаться в деревне Синяки; но и здесь, посреди пламени и штыков, бросили оружие. Здесь захвачено в плен до 1000 рядовых, до 40 офицеров и три орудия; потеря с нашей стороны маловажна.

На рассвете 6 ноября мы выступили к Лядам, первому жидовскому местечку. Здесь кончится Россия и начинается старая Польша. Наступившая оттепель покрыла грязью дорогу, устланную неприятельскими трупами. В овраге пред сим местечком французы бросили

---

\* Сии орудия взяты стрелками обоих полков, под начальством Л. Г. Финляндского полка капитана Байкова.

свои пушки. Мы вошли поутру, без сопротивления. Грязные улицы сего местечка, до половины сожженного, покрытые телами, издохшими лошадьми, завалены были брошенными пушками и фургонами. Здесь видны были черные, закоптелые трубы; жида, в грязных лохмотьях, бродящие среди дымящихся развалин; там отсталые или раненые неприятельские солдаты в изодранных шинелях, кучами сидящие на пепле и пожирающие лошадиное мясо, жареное на углях. Тронутые сим зрелищем, мы тотчас подозвали их к нашим огням и разделили с ними все, что у нас было. Быв свидетелями их храбрости, мы не могли их не уважать, и как христиане, не могли быть хладнокровными к их положению. Какой русский офицер отказал бы в помощи побежденному неприятелю?

<...>

### БЕРЕЗИНА

14 (ноября по ст. стилю.— *Комм. сост. О. С.*) числа, рано поутру, французы выстроили до сорока орудий на возвышении при деревне Студянке и открыли сильный огонь по противоположному берегу; русская артиллерия отвечала на оный весьма слабо, и командующий оною офицер, видя, что некоторые его орудия сбиты уже с лафетов, чтобы сохранить остальные, отступил в лес. Егери и гусары, претерпев большой урон, принуждены были следовать за артиллериею. Между тем французская легкая кавалерия пустилась в плавь, а за нею две роты отборных вольтижеров переправились на правый берег на двух плотах и отогнали казаков.

Наполеон, смотревший на переправу с высоты, при деревне Студянка, весьма был удивлен, что русские почти не делают никакого сопротивления, и вскоре, к великой своей радости, удостоверился, что Чичагов обманут ложными его движениями в Борисове и ниже сего города. Он тотчас велел прекратить огонь своей артиллерии, дабы сильным громом не возбудить внимания Чичагова, и лишь посланные им войска утвердились на противном берегу, то саперы начали ставить в воду козлы. На том месте, где река глубже, утверждены были на якорях два оставшиеся понтонные судна, принадлежащие Двинской армии; вся же остальная часть моста построена была на козлах.

В сем случае неприятельские саперы действовали с отличною деятельностью, и приобретенная ими слава будет столь же незабвенна, как и переправа Березинская\*. В сильный мороз, не имея крепких

---

\* Юлий Цезарь встретил менее препятствий при первом своем переходе чрез Рейн, и строил свой мост десять дней. Переправа Наполеона, несмотря на постигшее его бедствие, превосходит переход Массены чрез Лимаш и генерала Моро чрез Рейн. Карл XII при лучших обстоятельствах, почти в том же месте перешел Березину.

напитков, необходимых в таком случае, они с неустрашимостью погружались в воду по грудь для утверждения козлов и, ободренные присутствием Наполеона, презирали смерть, для спасения войска. Мюрат, Удино, и генералы Жомини, Эбле<sup>2</sup> и Лористон примером своим поощряли рабочих. Когда первый сей мост был окончен, то весь корпус маршала Удино с артиллерию перешел на правый берег, и приветствуя Наполеона восклицаниями: да здравствует Император! в глазах его с жаром устремился на русских. Но французы встретили достойных себя противников. Два русских полка один Егерский, другой Гусарский, с несколькими орудиями, устояли противу первых атак Удино, и с такою твердостью защищали в лесу Зембинскую дорогу, что дали время Чаплицу воротиться, и при наступлении ночи придти к ним на подкрепление.

На другой день, 15 числа, неприятель с великим трудом навел еще один мост; но он два раза обрушивался, и переправа на время остановилась. Наполеон терял терпение; ему казалось, что работы производятся слишком медленно. В сей день одна слабая дивизия генерала Чаплица, подкрепленная авангардом фон-дер-Палена, сражалась противу всего корпуса Удино, храбро защищая Зембинскую дорогу; но к вечеру превосходные и ежеминутно возрастающие силы неприятеля, который имел уже до половины своей армии на правом берегу, принудили наконец Чаплица отступить к Стахову.

Между тем Чичагов, получивший 14-го числа вторичное донесение Чаплица о переправе французов, и с другой стороны извещенный генералом Орурком, посланным из деревни Ухолоды на левый берег для обозрения вниз по Березине, что там нигде не видно было неприятеля, увидел наконец пагубное свое заблуждение, и, может быть, мог бы поправить свою ошибку. 15 ноября он возвратился вверх Березины; но, прибыв к мостовому укреплению, он остановился, вместо того, чтоб пройти еще 12 верст и ударить на переправившуюся часть неприятельской армии, что составило бы с небольшим 30 верст перехода от местечка Хабацевич. И так, во весь сей день он остался в бездействии, быв снова обманут демонстрацией неприятеля в Борисове. Удино, овладев Зембинскою дорогою, послал туда кавалерийский отряд, который выгнал из местечка казаков. И так Виленская дорога — единственный путь к спасению неприятеля — была для него открыта.

Поутру, 16-го числа, корпус Платова и отряд Ермолова перешли в Борисове на правый берег по понтонам, и, построясь в колонны, на высоте при деревне Стахове, составили резерв Дунайской армии, поступив под начальство Чичагова, который наконец решился действовать. Граф Витгенштейн, с своей стороны, оставя в старом Борисове корпус генерала Штенгеля, двинулся к Студянке, атаковал неприятеля,

овладел высотой при сей деревне, и, поставив на оной до 60 орудий, приготовился к решительному нападению на корпус Виктора, стесненный между Студянкою и мостами. Неприятель, починив оные во всю ночь, на 16-е число продолжал переправу. Поутру польский легион Вислы, под начальством генерала Клапареда, соединился с Неем, которой после Удино (сей последний был ранен) командовал всеми войсками в Стаховском лесу. Позади Нея, на открытой полянке, против того места, где дорога круто поворачивает в Вильну, выстроилась гвардия в колонны к атаке, под предводительством самого Наполеона, Лефевра и маршала Мортье, герцога Тревизского. Все сии войска должны были действовать против Чичагова и заслонить Виленскую дорогу, по которой, по переправе артиллерии, должны были проходить корпусы Даву и Евгения, составлявшие уже одну шумную бегущую толпу, которая не в состоянии была сражаться. Одна дивизия польских войск (Жирана) обратно перешла на левый берег для подкрепления маршала Виктора, что произвело еще более замешательства на мосту.

Кровопролитный бой закипел в одно время на обоих берегах. С самого утра поднялась метель с северным ветром; сильная вьюга засыпала нам глаза инеем и снегом; в нескольких шагах ничего нельзя было примечать; виден был один блеск выстрелов. Гром пушек повторялся в лесу, где высокие сосны, разбитые ядрами, с треском валялись на землю. Ней, с кирасирами Думерка, ударил прямо по дороге и захватил 700 наших стрелков. Чаплиц с гусарами\* опрокинул сих кирасир, и сражение продолжалось с переменным успехом. Но ужаснейшее зрелище открылось на мостах березинских и на левом берегу. Там стесненные колонны Виктора, подверженные убийственному огню нашей артиллерии, громившей с Студянской высоты, храбро отражали нападение Витгенштейна, которому также много вредили неприятельские батареи правого берега\*\*. Несколько раз наша пехота опрокидывала французов к самым мостам, но пораженная слева продольными выстрелами их артиллерии, поставленной на правом берегу, отбиваема была назад; тогда неприятельская кавалерия, под начальством генерала Фурнье, бросилась на нее с отчаянием. Но наша артиллерия не переставала громить по мостам и по густым стесненным колоннам неприятельским. Здесь ни один выстрел не был пущен даром, каждое ядро поражало людей, лошадей, срывало пушку или опрокидывало повозку. Один мост, поврежденный ядрами, с шумом обрушился под тяжестью войск и артиллерии: в одно мгновение люди, лошади, пушки, фургоны поглощены были рекою. Тогда все, что оставалось на левом берегу, в отчаянии бросилось

---

\* С двумя эскадронами Павлоградского гусарского полка.

\*\* Сии батареи, состоявшие из гвардейской артиллерии, были управляемы самим Наполеоном. Он сошел с лошади и сам несколько раз наводил пушки.

на остальной мост. Здесь пехота, кавалерия и артиллерия, — все было перемешано, исчезло всякое повиновение, каждый торопился добраться до противоположного берега; прикладами сбивали один другого в воду, и сильный открывал себе дорогу по грудам тел; здесь множество раненых раздавлено под колесами артиллерии; зарядные ящики, взорванные гранатами, с треском летели на воздух; артиллерийские лошади, с опрокинутыми передками и вьючные, вырвавшиеся из рук, ржали, бегая взад и вперед, но не находя нигде прохода, спирались грудами непроницаемыми; другие, столкнутые с моста, быв сжаты льдинами, неслись по течению реки.

Потеряв надежду пробиться по мосту сквозь ужасную тесноту, многие неприятельские солдаты и офицеры начали было переходить по огромным льдинам, которые сперлись между мостами, но они все погибли. В сие время на левом берегу между Студянкою и мостами, все место, на пространстве квадратной полуверсты, было уставлено обозами, пушками, покрыто убитыми, ранеными, умирающими. В сей толпе видны были и женщины, следовавшие за армиею из Москвы; страшный их вопль и отчаяние придавали еще более ужаса сему зрелищу.

До наступления ночи ядра беспрестанно сыпались с одного берега на другой. Когда начало смеркаться, неприятельский арьергард стал отступать по мосту. Здесь войска Виктора должны были очищать себе дорогу, сделав род траншеи из мертвых тел и лошадей, кучами наваленных по краям моста.

Так кончилась кровопролитнейшая битва 16 ноября. Невозможно исчислить ужасной потери неприятеля. Лучшие его войска, корпуса: Виктора, Удино и легион Вислы почти истреблены, и, по собственному признанию французов, сей день решил участь их армии.

<...>

## БАУЦЕН

8 (мая по ст. стилю. — *Комм. сост. О. С.*) числа, около полудня, неприятель сделал усиленное обозрение по всей нашей линии, и атаковал Милорадовича<sup>8</sup>, обходя его фланги чрез дефилеи, из коих он вытеснил прусаков. После трехчасового жаркого сражения авангард наш отступил на главную позицию, и расположился на левом крыле. Вечером неприятель стал форсировать наше левое крыло, показывая вид, что намерен обойти нас с сей стороны; но Павловский гренадерский полк, неоднократно и быстрыми ударами в штыки, и огонь Донской нашей артиллерии, взобравшейся на горы, не смотря на трудности местоположения, опрокинули неприятельские колонны, которые на отступлении чрез крутые, лесистые овраги, претерпели большой урон. Перестрелка до самой ночи продолжалась по горам, где неприятель рассыпал тучи стрелков.

Союзные войска расположились в две линии развернутым фронтом: Милорадович на левом крыле, примыкая к горам; Витгенштейн<sup>9</sup>, Клейст<sup>10</sup> и Иорк<sup>11</sup>, в центре, по обеим сторонам большой Лобауской или Силезской дороги; Блюхер и Барклай на правом крыле, на высотах Креквица и Готаменда, прикрывая дороги в Вюртен и Вейсенберг. Гвардия расположена была в третьей линии, колоннами к атаке, в лощине перед биваком императора Александра. Центр нашей линии прикрыт был большею батареею о 24 орудиях на высоте, господствующей над всею равниною, простирающеюся до Бауцена; деревня, перед нею находившаяся, была скрыта. На правом крыле также построены были укрепления при деревне Лишен\*.

Неприятельская армия, завладев всеми дефилями<sup>12</sup> на реке Шпрее, расположилась почти параллельно нашей в густых пехотных и кавалерийских массах, покрывая своими огнями отлогие высоты перед Бауценом. Корпусы маршалов Сульта и Нея маскированы были лощиною, и в сей стороне не видно было огней.

Маршалы Макдональд и Удино находились на правом крыле, против Милорадовича; Мармон в центре; Султ и Ней на левом крыле.

9 мая погода была прекрасная. Лишь только солнце показалось на горизонте, раздался пушечный выстрел в неприятельской линии, тучи стрелков рассыпались по полям, и началась перестрелка. Под прикрытием своих стрелков и под громом артиллерии подвигались медленно неприятельские колонны, стремившиеся на наш центр и на левое крыло. Но это было ложное нападение, скрывавшее маневр Наполеона против правого нашего крыла\*\*. Тогда открылась сильная канонада с большой центральной нашей батареей (гвардейской артиллерии), которой командовал капитан Жиркевич; пехота французская наступала скорым шагом, держа ружье под курок; целые ряды падали, осыпанные картечью; другие следовали за ними, как волна за волной, стремились на приступ, восклицая: «En avant! Vive l'Empereur!»<sup>13</sup>. Волтижеры не раз перескакивали ров и влезали на бруствер, но взятые во фланг нашею пехотою, прогоняемы были штыками, устилая поле мертвыми телами.

---

\* Мы знаем, что сие описание позиции недостаточно для людей военных; но читатель должен вспомнить, что записки сии сочинены на память. Для сей кампании мы не имеем никаких материалов и рассказываем только, что сами видели или слышали от людей достоверных.

\*\* Соображение Наполеона основано было на решительном нападении с главными силами на правое наше крыло и на занятии Вюртена и Гохкирка, чтоб отрезать нам отступление в Силезию и прижать нас к Богемским горам, к коим упиралось левое наше крыло. Тогда Австрия была еще в нейтралитете и после нашего поражения не позволила бы нам вступить в Богемию. Итак, если б Наполеон успел отрезать нас от Силезии, то положение наше было бы отчаянное. Конечно, мы пробились бы силою, но потеря наша была бы ужасна, и, вероятно, мы не в состоянии были бы продолжать кампанию.

Маршалы Мармон и Удино, после неоднократных неудачных нападений, прикрыли расстроенную свою пехоту резервною своею артиллериею; но наша, поставленная на выгоднейшем местоположении, господствующем над неприятельскою позициею, и, может быть, действовавшая искуснее, — ибо в неприятельской находилось множество молодых, неопытных канонеров, — не раз сбивала неприятельские батареи; наконец, удачные нападения нашей конницы заставили неприятельское правое крыло не только оставаться в оборонительном положении, но и отступить к самому Бауцену.

Но когда все шло хорошо в центре и на левом крыле, когда внимание наших генералов обращено было на правое крыло неприятельское, вдруг, около трех часов пополудни, загорелся жаркий бой близ Вюртена; там Сульт и Ней разили наше правое крыло с тыла. Сей превосходный маневр был плод великих соображений Наполеона. С самого утра занимая нас непрерывными и жаркими нападениями на центр и левое крыло, он приготовил сей, верно разочтенный, удар. Колонны Сульта и Нея, маскированные лощинами и курганами, не приметно стянулись к селению Вюртену, обошли наше правое крыло и по данному знаку поднялись из лощин, и атаковали Баркляя и Блюхера в превосходных силах. Французы заняли Креквицкие высоты и деревню Буртвиц; но минутный наш беспорядок был вскоре поправлен.

Император Александр велел генералам Ермолову и Толю вести на подкрепление правого крыла гренадерские полки, Перновский, Кексгольмский, гвардейский Егерский и гвардейский Морской Экипаж, что составляло 8 отборных батальонов. Тогда было около четырех часов пополудни; в сие время не только наш правый фланг сбит был с своей позиции, но и корпус Йорка, стоявший в центре, близ деревни Лишен, пораженный перекрестным огнем неприятельской артиллерии, действовавшей с отлогой высоты за сею деревнею и с высокого кургана на хребте Креквицких гор, начинал отступать уступами, упираясь левым крылом к батарее и деревне Лишен, для избежания продольных выстрелов, поражавших прусаков с Крейквицких гор. Неприятель поминутно усиливал свою артиллерию и приметно направлял ее на упомянутую батарею, дабы, сбив орудия наши и завладев деревнею Лишен, прорвать в сем месте наш боевой порядок.

От прежней нашей позиции до деревни Лишен оставалось до двух верст ходу; уже поле на сем пространстве начинало покрываться ранеными, и рассеянными толпами; в сию минуту генерал Толь подъехал к голове нашей колонны, где находился генерал Ермолов. «Посмотрите, — сказал он ему, — какой они открыли там ад; я полагаю, что нам нельзя терять ни минуты; Йорк отступает; если мы займем его место, тогда все упрется на нас, или соберется за нами». «Вперед, ребята! — закричал Ермолов, вместо ответа. — Государь смотрит на вас».

Мы подошли уже под пушечные выстрелы, в сие время гранаты с треском лопались среди колонн; потом, обратясь к генералу Бистрому: «Когда первый ваш батальон придет к той деревне\*, что горит, вы его остановите, и в ту же минуту вышлите застрельщиков вперед и рассыпьте их между Нилусовой батареей и пруссаками; между тем я выдвину головы колонн вперед на линию, и мы будем деплоировать<sup>14</sup> влево по первому взводу первого вашего батальона; — вперед, ребята, ружье на перевес, бегом!»\*\* В несколько минут мы были на назначенном месте и выстроились в развернутый боевой порядок, за батареею полковника Нилуса, упираясь правым флангом к деревне Лишен, а левым к прусской 6 пушечной батарее. Все это было исполнено с быстротою и в порядке, под сильнейшим огнем неприятельских батарей.

Генерал Ермолов послал тот же час уведомить Блюхера о своем прибытии и ожидал от него приказания. Иорк остановил отступное свое движение и построился позади нас в колонны, а прусская гвардия сделала сильное нападение на деревню Буршвиц, вытеснила из нее неприятеля и принудила один Виртембергский батальон положить ружье.

Неприятель отступил на хребет Креквицких гор, и продолжал бой одною артиллериею, действуя на выходящий угол, образованный нашею линиею и загнутым правым крылом. Обе армии не двигались с места и продолжали истреблять себя артиллериею. Уже до 30 000 убитых и раненых, с обеих сторон, свидетельствовали о чрезвычайных усилиях сражающихся, но бой не переставал. Французы завладели высотами, повелевающими правым нашим крылом и могли отрезать нам Вейсенбергскую дорогу, но нам оставалась еще Лобауская; к тому же, стоило только подвинуть гвардию, и Креквицкие высоты были бы возвращены, ибо, по причине их крутизны, легко можно было подбежать под выстрелы; но император Александр не мог решиться жертвовать последними войсками для одного тщеславия завладеть полем битвы; видел сильный урон, претерпленный союзниками, и, вероятно, не зная о потере неприятеля, гораздо сильнейшей, а с другой стороны, рассчитывая, что отступлением наша армия может скоро усилиться подходящими резервами и корпусом Сакена, доселе наблюдавшем австрийцев, приказал отступление в седьмом часу.

Оно началось с правого нашего крыла: Блюхер следовал по Вейсенбергской дороге, Витгенштейн и Барклай по Лобауской; обе армии должны были сойтись за Нейсою близ Герлица. Корпус Милорадовича, несмотря на одержанный успех над правым неприятельским крылом, должен был сражаться оборонительно, прикрывая ретираду

---

\* Лишен, сколько я помню.

\*\* Мы здесь в первый раз выстроены были в линию для того, чтобы неприятельская артиллерия, действовавшая с трех сторон, менее могла вредить.

по Лобауской дороге, препятствуя неприятелю проникнуть между нами и пруссаками.

День клонился к вечеру; заходящее солнце застилалось густыми облаками дыма и походило на кровавый шар, между тем как пламенный вихрь пожирал деревни. Мы отступали в порядке под громом 150 орудий и под прикрытием грозной нашей кавалерии; прошли Гогенкирхенское кладбище и лес и остановились ночевать на Герлицкой дороге, близ Рейхенбаха. Ариергард остановился на высотах Гогенкирха.

Наполеон ночевал в Вюртене. Несмотря на великий урон, претерпленный французскою армиею и простирившийся до 20 000 убитыми и ранеными, он был в восторге, и мечтал уже отбросить нас за Одер, быв уверен, что наша армия будет отступать к сей реке. Желая известить покоренные ему народы об успехах своего оружия, он издал пышную реляцию и разослал ее в Париж, в Дрезден, в Милан, в Миних и другие города, даже до Варшавы.

Всегда пылкий и честолюбивый во всех своих предприятиях, не переставая действовать на воображение людей, он вдруг вздумал в главной своей квартире в деревне Вюртен издать повеление о сооружении великолепного памятника на вершине Симплона, там, где он устроил превосходное Шоссе, среди бездн и снегов; дабы сей памятник передал позднейшему потомству и славу его побед, и благодарность итальянскому народу за великие пожертвования и усилия, оказанные в сей войне.

